

УДК 316.3:39(=1.470.1)(045)

Поморье и поморы: структура одного исторического мифа

© **Семущин** Дмитрий Леонидович, кандидат исторических наук, политический обозреватель ИА REGNUM (Москва). *Приоритетные темы исследований:* историческая география России. E-mail: ivaksa@bk.ru.

Исторический миф играет ключевую роль в любом этностроительстве. В этом отношении важную роль на первоначальном этапе играет работа идеологов, историков, литераторов. В статье проанализирована структура поморского исторического мифа, которая основывается на особой интерпретации колониационного процесса Русского Севера и специфическом толковании местных историко-географических и локальных понятий.

Ключевые слова: Поморье, поморы, Баренцев регион, Русский Север, этностроительство, этносепаратизм, регионализм, исторический миф, историческая фальсификация.

Pomorie and Pomors: the structure of one historical myth

© **Semushin** Dmitry Leonidovich, Candidate of Historical Sciences, Political Commentator IA 'REGNUM' (Moscow). *Priority themes of the research:* historical geography of Russia. E-mail: ivaksa@bk.ru.

Abstract

The historical myth is playing a key role in any ethno-building. An important role in the initial stage is playing the work of ideologues and historians, writers. In the article is analyzed the structure of the Pomeranian historical myth, it is based on a specific interpretation of the colonization process of the Russian North and the specific interpretation of local history and geography and local concepts.

Keywords: Pomorie, Pomors, Barents region, Russian North, ethno-building, ethnoseparatism, regionalism, historical myth, historical falsification.

Новым в современных политических и социально-культурных процессах на Русском Севере является становление поморского этнического проекта. Этот проект (поморская идея) возник в начале 90-х годов XX века во время распада СССР. Его целью является на первом этапе трансграничная регионализация Русского Севера, превращение его в Поморье (Баренцев регион) с созданием под него титульного этноса «поморы» как народа «нерусского» по определению. Проект прошел уже несколько стадий: формирование этнического мифа и организационную. Сейчас под знаком требования официального признания «коренного и малочисленного народа» происходит его политизация. На основе выработанного мифологического образа нерусского этноса «поморы» адепты поморской идеи уже начали преобразование проживающего в северном регионе РФ местного русского населения. 17 сентября 2011 года в Архангельске состоялся IV Межрегиональный съезд поморов. В его работе приняло участие около 400 делегатов. В июне того же года при вновь образованном Северном (Арктическом)

федеральном университете имени М. В. Ломоносова, в первую очередь для исследования этноса «поморы», был создан научный центр «Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера». Лидер движения поморов в Архангельске И. И. Мосеев стал его директором. А за год до этого, в ноябре 2010 года, на встрече губернатора Архангельской области И. Ф. Михальчука с активистами поморских общественных организаций была достигнута договоренность о сотрудничестве в рамках так называемого «поморского вектора» развития региона. С этого времени в официальных речах архангельского губернатора И. Ф. Михальчука порой стали звучать нотки поморского этнического мифа. Отдельные положения поморской исторической идеи стали появляться и в разного рода документах областной администрации. Все перечисленное является несомненным «достижением» двадцатилетнего развития поморского этносепаратизма на Русском Севере.

При исследовании нынешнего поморского этногенеза в Архангельске надо отметить главнейшую его особенность – создание в России этой новой этнической идентичности маскируется под «национальное возрождение» якобы существовавшего в прошлом этноса «поморы». В этом отношении процесс внешне напоминает славянское «пробуждение» в регионе Центральной и Восточной Европы в первой половине XIX века и, особенно, его успешный «украинский проект». По аналогии с этим явлением отметим, что на первом этапе «поморского возрождения» важнейшую роль сыграла целенаправленная работа в Архангельске группы местной интеллигенции по созданию поморского исторического и культурного мифов.

В цельном виде поморский исторический миф изложен в пятитомной монографии В. Н. Булатова (1946–2007) «Русский Север», вышедшей отдельными книгами в 1997–2002 годах [1]. Текст этот частично был сведен автором в учебное пособие для высшей школы и под тем же названием опубликован в 2006 году [2]. Издание этого, адресованного местной студенческой молодежи, учебника финансировалось по федеральной программе «Культура России». Зарубежный аспект поморской исторической концепции изложен в специальном учебном издании для высшей школы, посвященном норвежскому «Баренцеву региону» [3]. Ключевые положения поморского исторического мифа были повторены В. Н. Булатовым в 2005 году в «научной справке», подготовленной им для деятелей «поморского возрождения»¹. Означенный документ, предъявленный «поморами» в Архангельске областной администрации, является доказательством того, что изначально «научные изыскания» по поморской тематике носили политический характер.

Основное положение поморского исторического мифа лежит в области исторической географии Русского Севера. Главнейшую роль здесь играет тезис о том, что «в XV–XVII веках Поморьем назывался обширный экономический и административный район по берегам Белого моря, Онежского озера и по рекам Онега, Северная Двина, Мезень, Пинега, Печора, Кама и Вятка вплоть до Урала»². И, во-вторых, что эта обширная территория была населена самостоятельным нерусским этносом (народом) «поморы».

¹ Ученые о поморах // Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. С. 4.

² Там же. Текст В. Н. Булатова: «Русский Север с XVI века носил название „Поморье“, а его земли, лежащие в бассейнах рек Северной Двины, Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки, занимали тогда территории, составлявшие почти половину Русского государства» (См. Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 3) дословно, без указания на источник, списан из монографии Н. Е. Носова. См.

Этногенез «поморов», по В. Н. Булатову, был обусловлен слиянием культур «протопоморских», преимущественно угро-финских (чудских) племен Беломорья и первых славяно-колонистов (еще нерусских – sic!), активно заселявших территорию чудского Заволочья. Концепция «протопоморов» по смыслу близка к идеям эстонского археолога Прита Лиги и финского исследователя Кристиана Карпелана, утверждавших, что население территорий современного Русского Севера в Средневековье меняло свою этническую идентичность при отсутствии значительных миграций русского населения и физической смены местного финно-угорского населения [4, с. 37–41]. Псевдоисторическая концепция, таким образом, основывается на особой интерпретации колониационного процесса Русского Севера и специфическом толковании местных историко-географических и локальных понятий.

В своих трудах В. Н. Булатов дает определение этносу «поморы» как народу, состоящему из нескольких языковых групп. Например, «русскоязычная группа этноса поморы заселяла берега Белого моря с XII века» [3, с. 25; 2, с. 111]; «специфика жизни человека в условиях Севера формировала и особый тип населения, в том числе группу этноса – поморов, заселивших берега Белого и Баренцева морей» [5, с. 9]. Следовательно в этносе «поморы» могли существовать разные языковые группы, в том числе и финно-угорские. С 2008 года норвежцы в полном соответствии с данной концепцией стали рекламировать в России «коренных жителей Баренцева региона» – «норвежских поморов»³.

Утверждение о существовании среди «поморов» разных языковых групп, помимо прочего, позволяет не только привязывать поморов к финно-уграм, но и удревлять явление мнимого поморского этногенеза. Здесь, однако, у В. Н. Булатова нет однозначного ответа о его начальной временной точке. В отредактированной им специальной статье в «Поморской энциклопедии» значит: «Поморы – русскоязычная группа этноса, заселившая (с XII века) берега Белого и Баренцева морей» [6, с. 317]. На XII век В. Н. Булатов указывал и в других своих работах [7]. В частности, здесь он утверждает совершенно фантастическое: «На новгородских географических картах XII–XIII веков в устье Онеги уже был обозначен „Погост на море“⁴. Чуть позднее, в 2006 году, он несколько удревнил явление: «Название „поморы“ возникло не позднее X–XII веков»⁵.

В связи с этим напомним, что «поморцы» и «поморяне» впервые в исторических источниках упоминаются в одной новгородской летописи под 1526 годом, а в актах – под 1546 годом⁶. Утверждение о существовании этноса «поморы» и соответствующего этнонима с X–XII веков, таким образом, имеет чисто спекулятивный характер, поскольку никак конкретно не подтверждается историческими источниками.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 240.

³ См. текст Тура Робертсена на обложке в кн.: Поморские сказки. Архангельск, 2010.

⁴ Где эти географические карты? Откуда о них сведения у архангельского историка?

⁵ Ученые о поморах...

⁶ «Того же лета 34-го приѣхаша ко государю великому князю Василью Ивановичю на Москву поморцы и лоплене с моря окияна, ис Кандолжской губе усть Невы реки, из дикой Лопи, и би челомъ государю великому князю Василью Ивановичю». Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 217; «...каргополцы, и онежане, и турчасовцы, и порожане, устьмошане, и мехренжане, ѣздить къ морю соли купити, да купивъ де у моря соль у поморцовъ да возятъ ея въ Турчасово и на Порогъ...». Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. 1. СПб, 1836. № 211. С. 200–201.

Заметим, что все ранние упоминания поморов первой половины и середины XVI века относятся к береговой оконечности Белого моря, носящей со времен Средневековья название Поморского берега. Это Поморье впервые упоминается в одной подлинной новгородской грамоте середины XV века – купчей некоего Ивана Менуева сына⁷. В связи с этим логично предположить, что первоначально под «поморцами» в XVI веке понимался не особый народ (этнос), а локальная группа населения, получившая свое название от конкретной местности на побережье Белого моря. Сохранившийся комплекс новгородских грамот определенно свидетельствует о том, что славянская колонизация Поморского берега Белого моря началась не ранее XIV века⁸. Так, в частности, на проблему смотрели историк М. В. Витов и этнограф Т. М. Бернштам [8]. О времени славянской колонизации этой части Беломорья определенно свидетельствует и относительно позднее появление здесь церковных приходов. К более позднему периоду, чем XII век, относит сейчас колонизацию вообще всего Русского Севера и археолог Н. А. Макаров [9, с. 163]. Выводами этих ученых В. Н. Булатов в своих трудах полностью пренебрегает, игнорируя и то обстоятельство, что как раз на Поморском берегу Белого моря чужь («протопоморы» по его терминологии) никогда не проживала. Изначально это была территория лопи (саамов) [10, с. 71]. Первой волной колонистов здесь были в XIV веке карелы и только потом русские [11, с. 28–29]. Таким образом, этнографическая группа исторических, а не мифических поморов возникла на основе этнического контакта трех народов: русских, карел и лопарей.

Далее архангельский историк утверждает, что этноним «поморы», после того как возник не позднее X–XII веков на Поморском берегу Белого моря, в течение XIV–XVI веков распространился далеко на юг и восток от места своего возникновения. Однако факт какой-либо массовой миграции населения с этой территории в означенный период не подтверждается какими-либо источниками. Тем не менее В. Н. Булатов утверждает, что на всей современной территории Русского Севера уже в XV веке расселился этнос «поморы». Для подтверждения этого тезиса архангельский историк в своих текстах просто начинает подменять понятия. Например, у В. Н. Булатова читаем: «В 1419 году пятьсот „мурман“, явившись на морских судах – бусах и шнеках, – „повоевали“ Корельский погост в Варзуге, разорили селения онежан и двинян. Однако норвежцы получили достойный отпор: поморы „две шнеки мурман избиша“» [2, с. 120]. В оригинальном же тексте Новгородской первой летописи младшего извода читаем: «Того же лета, пришед Мурмане воиноу въ 500 человекъ, в бусах и въ шнеках, и повоеваша въ Арзуги погость Корильскыи и в земли Заволочкой погосты: в Неноксе, в Корельскомъ монастырь святого Николы, Конечный погость, Яковлю кюрью, Ондрияновъ берегъ, Кигъ островъ, Кяръ островъ, Михайловъ монастырь, Чиглонимъ, Хечинима; 3 церкви сожгли, а Христианъ черноризицъ посекле, и заволочане две шнеки Мурманъ избиша, а инии избегоша на море»⁹. Как видим, в первоисточнике нет никаких «селений онежан», а норвежцев в действительности истребляют *заволочане*, то есть жители новгородской волости Заво-

⁷ «Се купи Иване и его братья Денесья, Максиме Мънуеви дѣти у Фалелья из Валдоли, у Сави, у Сидора у Юрьевыхъ дѣти землю и воду на Поморьи по[мо]рьскимъ рикамъ и по льшимъ озерамъ». Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Ред. С. Н. Валк. М., Л., 1949. № 296. С. 294–295.

⁸ ГВНП. № 222, 223, 286, 287, 290, 291, 293, 296–307, 312, 318–322, 327, 328.

⁹ Новгородская первая летопись. Под ред. А. Н. Насонова. М., Л., 1950. С. 411–412.

лочье, другое название – «*двиняне*», а никакие не «поморы». И так, в своих трудах В. Н. Булатов утверждает, что в XV–XVI веках вся современная территория Русского Севера, то есть земли, лежащие в бассейнах рек Северной Двины, Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки, носила название «Поморье» [2, с. 3]. Однако на сегодняшний момент нет ни одного специального историко-географического исследования о бытовании на Русском Севере во времени понятия «Поморье». Попытаемся частично восполнить этот пробел.

При изучении всего комплекса текстов XVI–XVII веков не трудно заметить, что в исторических источниках применительно к Русскому Северу существует два разных понятия «Поморье», имеющих разные сферы применения. Одно из них можно условно назвать «малым» Поморьем, другое – «большим». «Малое» Поморье, как мы указывали выше, впервые упоминается в источниках с середины XV века. Его ядром является Поморский берег Белого моря. Жители Поморского берега, иначе называемого еще в источниках XVI–XVII веков «Поморьем», по месту своего жительства стали именоваться «поморцами». Это «малое» Поморье стало ядром так называемых «Поморских волостей». «Поморские волости» (вариант – «Поморская область») с середины XVI и до конца XVII века составили отдельный административный округ, управлявшийся Соловецким монастырем¹⁰. Позднее, в XIX веке, это Кемский уезд Архангелогородской губернии. С развитием с середины XVI века мурманских промыслов на Коле, в котором как раз и участвовало население Поморского берега, понятие «малого» Поморья распространяется на протяженную береговую полосу Кольского полуострова. В таком виде это Поморье фиксируется в «Росписи поморским рекам» «Книги Большого чертежа» начала XVII века¹¹. Все существующие исторические источники XVI века говорят о «малом» Поморье и не подтверждают тезиса о существовании в этот период «большого» Поморья, протянувшегося от Белого моря и Белоозера на западе до Урала на востоке. Что же является в таком случае источником утверждения о существовании целого административного региона Поморья в XVI веке? Как выясняется, современная научная традиция, берущая истоки в творчестве В. Н. Татищева и опирающаяся на труды великого русского историка, академика С. Ф. Платонова. С. Ф. Платонов, изучая Смуту начала XVII века, обратил внимание на то, что в политическом плане это была война между севером и югом Московского царства, в которой различные области (группы уездов) занимали устойчивую позицию. С. Ф. Платонов отметил, что позиция в войне населения и военных служилых корпораций отдельных уездов была прямо связана с тем, состояли ли эти административные единицы в предшествующий период в опричнине или нет. Так родилась «региональная» концепция Смуты С. Ф. Платонова [12]. Для нее русский историк использовал политико-географическую терминологию из документов эпохи Смуты и опрокинул ее по времени на середину XVI века, на эпоху опричнины царя Ивана Грозного. Попутно, таким образом, С. Ф. Платонов создал еще и оригинальную концепцию опричнины.

¹⁰ О ранней истории Поморских волостей см. Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Его же. Сочинения в 9-ти тт. Т. 8. М., 1990. С. 5–30. Понятие «Поморские волости» впервые упоминается в царской жалованной грамоте Соловецкому монастырю от 11 августа 1584 г. ААЭ. Т. 1. С. 384. Понятие «Поморская область» как синоним «Поморских волостей» упоминается в письме игумена Соловецкого монастыря Антония шведскому королю Карлу IX от 12 марта 1611 г. ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 180. С. 308.

¹¹ Книга Большому чертежу. Изд. К. Н. Сербиной. М., Л., 1950. С. 147–151.

Итак, понятие «большого» Поморья встречается в исторических источниках не с XVI и, тем более, не с XV века, а только с начала XVII века¹². Существует оно первоначально в текстах в виде связанных взаимно друг с другом понятий: «поморские города» (вариант «поморские пригороды») – «поморские люди»¹³. Закреплению в современной научной традиции использования понятия «большого» Поморья применительно ко всей территории Русского Севера вслед за С. Ф. Платоновым особо способствовал фундаментальный труд академика М. М. Богословского «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке», содержащий историко-географический очерк [13, с. 9–28]. Отмеченные труды С. Ф. Платонова и М. М. Богословского создали устойчивую традицию именования в отечественной историографии XX века всего Русского Севера Поморьем. Русские историки использовали региональное понятие «большого» Поморья без всякой задней мысли как удобную научную абстракцию для построения своих исторических схем. Использование понятия «большого» Поморья в XX веке в советской историографии определялось скорее личными вкусами и пристрастиями историков. Проследить какой-либо закономерности тут нельзя. Так, например, Н. Е. Носов в одном своем фундаментальном труде его совсем не использовал, а в другом, наоборот, использовал часто [14]. Во время перестройки в конце 80-х – начале 90-х годов XX века интеллигенция в Архангельске взяла из научной историографической традиции понятие «большого» Поморья и сделала его географической реальностью для нужд политического движения местных областников и регионалов под лозунгом «восстановления Поморской республики». Благодаря работе СМИ за короткое время понятия «Поморье» и «Архангельская область» стали синонимами.

Были ли понятия «поморские города», «поморские люди» в источниках XVII века официальными в смысле использования их в административной терминологии России того времени? Здесь мы определенно ответим нет. Официально вся страна тогда делилась на уезды, подведомственные столичным четвертям. Места в этой структуре «большому» Поморью не было. Не упоминается «большое» Поморье ни в писцовых, ни в переписных книгах. Однако специальное исследование источников XVII века позволяет определенно утверждать, что понятие «поморские города» со времен Смуты использовалось в делопроизводстве некоторых (не всех) российских центральных ведомств, в частности Разряда¹⁴. После Смуты оно использовалось (нечасто) и в царских указных грамотах на места воеводам. Скорее всего, понятие «поморские города» появилось в Смуту в столичном военном ведомстве в осажденной тушинцами Москве. В актовом материале оно впервые фиксируется под 1609 годом. Его появление, таким образом, связано с нуждами военного регионального управления в условиях

¹² М. Н. Тихомиров писал: «Название „Поморские города“ утвердилось поздно, не раньше второй половины XVI века, когда был проторен морской путь из России в Англию». Однако этот тезис он никак не подкреплял источниками. См. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 227.

¹³ Понятие «поморские города» впервые встречается в переписке вятчан и пермичан от января 1609 года. ААЭ. Т. 2. № 104. С. 205. «Поморские пригороды» упоминается в указной царской грамоте вологодскому воеводе Миките Пушкину от 20 февраля 1609 года. Акты исторические. Т. 2. СПб., 1841. № 157. С. 180; Понятие «поморские люди» встречается впервые в отписке царю Василию Шуйскому из Троицы осадных воевод Григория Долгорукова и Алексея Голохвастова от 29 марта 1609 года. АИ. Т. 2. № 181. С. 210. «Поморские мужики» – отписка тушинского костромского воеводы Микиты Вельяминова гетману Сапеге (после 12 марта 1609 года). АИ. Т. 2. № 172. С. 199.

¹⁴ Книги разрядные по официальным оным спискам. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 1, 2, 10, 24, 405, 544, 578, 661, 929, 1035, 1152, 1247, 1362. Там же. Т. 2. Стб. 93, 200, 296, 351, 688, 931. Первое упоминание «поморских городов» в разрядных книгах под 1614 годом. (Т. 1. Стб. 1.) В связи с этим заметим, что в разрядных книгах XVI века упоминаний «поморских городов» нет.

внутренней «гражданской войны» начала XVII века. Понятие появилось из потребностей возникшей в России региональной политики. После губернской административной реформы Петра I термин «поморские города» исчезает в делопроизводстве центральных ведомств. Но из приказной документации XVII века понятие «большое» Поморье проникло благодаря творчеству В. Н. Татищева (1685–1750) в формирующуюся российскую историческую и географическую науку, где обрело потом свою самостоятельную книжную судьбу [15]. Казусом является здесь то, что современная попытка отождествления норвежцами Поморья с БЕАРОм находит созвучную аналогию у В. Н. Татищева в его тождестве Поморья и легендарной страны Биармии.

Под «поморскими городами» подразумеваются не конкретные города, которых в реальности XVII века на Русском Севере почти и не было, а территориально-административные единицы – уезды¹⁵. В документах XV–XVII веков часто слово «город» выступает синонимом слова «уезд». Вместе с понятием «поморские города» в источниках эпохи Смуты появляется и понятие «поморские люди». Но было бы величайшей нелепостью считать, что под «поморскими людьми» грамот Смутного времени и тогдашней правительственной переписки подразумевается отдельный этнос «поморы». Берем многочисленные сохранившиеся челобитные грамоты XVII века, посланные жителями северных русских уездов в Москву или местному воеводе в уездный центр. Ни в одной из них они не именуют себя «поморами». А если вообще нет ни одного документа XVII века, из которого бы следовало, что жители Двинского, Кеврольского, Важского и других уездов (всего их 22), считают и определяют себя «поморами», а тем более нет никаких свидетельств «поморского» этнического самосознания у них, то как можно утверждать, что в это время в северном регионе России существовал целый отдельный этнос под этнонимом «поморы»? Жители северных уездов сами эти уезды «Поморьем» в XVII–XVIII веке не называли и сами себя «поморами» не считали и никогда не именовали. При этом надо назвать единственное исключение в этом ряду северных уездов – это жители так называемых «поморских волостей» Соловецкого монастыря. Вот они себя и их в документах XVI–XVII века «поморцами» и «поморянами» именуют. Но были ли они в то время отдельным этносом, имеющим отличное от русских этническое самосознание? Правильней было бы утверждать, что под «поморцами» тогда подразумевалась локальная группа населения – русские и карелы, получившая свое название по топониму.

Тем не менее, полностью пренебрегая историческими источниками, В. Н. Булатов в своих рассуждениях о «большом» Поморье и «поморах» в XVI веке в своем учебнике доходит до следующего утверждения: «Налицо были почти все признаки нации: общность территории с выходом к морю (Поморье); общность экономической жизни поморских уездов, волостей и городов; особые черты характера, психологического и духовного облика поморов; своеобразие северной культуры. Складывался северорусский язык, от которого остались местные говоры, диалекты и наречия, ставшие предметом тщательного изучения филологов, диалекто-

¹⁵ «Год за годом поморы осваивали новые земли, продвигаясь все дальше на юг и юго-восток, север и северо-восток. А на картах, чертежах и росписях появились поморские города: Холмогоры, Вага (Шенкурск), Вельск, Каргополь, Турчасово, Пустозерск, Тотьма, Сольвычегодск, Великий Устюг, Хлынов (Вятка) и другие». Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 3. В приведенном списке XVI–XVII веков Каргополь, Турчасово, Колмогоры – это посады, Вельск – погост.

логов и этнологов» [2, с. 5]¹⁶. Только завоевательная и репрессивная политика Москвы в XV–XVI веках воспрепятствовала складыванию «четвертой по счету восточнославянской нации – северороссов».

Итак, в чем заключается фальсификация истории Русского Севера? «Малое» Поморье в поморской концепции упоминается только как ареал мнимого этногенеза «поморов» в X–XII веках. Далее эта географическая реалья XVI–XIX веков полностью игнорируется. «Малое» Поморье смешивается с «большим», подменяется последним. В этом построении вся территория Архангелогородской губернии XIX века, так называемый «Русский Север», становятся якобы реально существующим в прошлом регионом «Поморье». После чего это «большое» Поморье погружается как можно глубже во время. Это мифическое Поморье XIV–XVI веков противопоставляется Московии, а его население, именуемое «поморами», – всем остальным русским. Мифические «поморы» якобы имели финно-угорскую «кровь», свой собственный «славянский» язык и свою этническую «поморскую культуру». Более того, в историческом прошлом они якобы были враждебны русским. «Несмотря на активные процессы ассимиляции поморов в великорусском этносе поморы сохранили свое этническое (национальное) самосознание до наших дней», – утверждал В. Н. Булатов, подводя, тем самым, идеологическую базу под «поморское возрождение»¹⁷.

Означенный исторический миф о «большом» Поморье позволяет архангельским областникам и этносепаратистам в проекте создания «Поморской республики» предъявлять «исторические претензии» на всю территорию нынешних Мурманской, Архангельской областей и части Карелии. В 1990-е годы им удалось внедрить в массовое сознание северян понятие «Поморье» как синоним Архангельской области, сделать его географической реальей. В настоящее время областники и этносепаратисты вкупе с норвежцами работают над тем, чтобы понятия «Поморье» и трансграничный «Баренцев регион» стали равнозначными.

Миф о народе «поморы» также дает в распоряжение архангельских этносепаратистов большой потенциальный человеческий ресурс. Ведь, условно говоря, все «старожильческое» население Архангелогородской губернии до 1917 года, согласно историческому мифу, объявляется «поморами». «Поморское возрождение» на практике означает, что сейчас любой потомок этих «старожилков» может отказаться от русской этничности и заявить себя «помором». Поэтому неслучайно, что разрушительный этноконфликтный и политический потенциал поморского исторического мифа в сочетании с практикой «поморского возрождения» был по достоинству оценен за рубежом и получил американскую и норвежскую поддержку¹⁸.

Из базового мифа о «большом» Поморье и народе «поморы», его населяющем, выводится целая серия других исторических мифов. Коротко перечислим их.

Миф о великих поморах. Поскольку вся территория нынешнего Русского Севера, якобы с XII века была населена поморами, то все местные, чем-то знаменитые деятели русской

¹⁶ Недепость подобного утверждения очевидна, поскольку, например, по ретроспективным оценкам А. И. Копанева, все население Двинского уезда в XVI веке не превышало 20–30 тыс. человек. См. Аграрная история Северо-Запада России. Втор. пол. XV – нач. XVI в. Отв. ред. А. Л. Шапира. Л., 1971. С. 281.

¹⁷ Ученые о поморах...

¹⁸ Издание первых опытов создания самостоятельного литературного поморского языка, так называемой «поморской говори», финансировались американским фондом Форда и норвежским Баренцсекретариатом. См. Поморские сказки. Под ред. Т. Робертсена. Архангельск, 2010. С. 2; Мосеев И. И. Поморская говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. С. 3.

истории и культуры объявляются не русскими, а этническими «поморами». И так поморами были: святитель Стефан Пермский и преподобный Антоний Сийский, завоеватели Сибири Ермак и братья Строгановы, землепроходцы С. Дежнёв и Е. Хабаров, ученый М. В. Ломоносов и скульптор Ф. И. Шубин и т. д. [2, с. 125, 199, 245, 263, 276, 311, 312, 338, 532]. Подобный прием напоминает проделанное в XIX веке с персонажами истории Малороссии создателями украинского исторического мифа.

Миф о том, как *поморы Сибирь освоили*. Из созданного мифа о существовании в XV–XVII веках «большого» Поморья – обширной территории, населенной этносом «поморы», проистекает следующая фальсификация: народ «поморы» Сибирь освоили¹⁹. «В ходе движения поморов „встречь солнца“ на территории Сибири появляются постоянные поселения», – утверждал В. Н. Булатов [2, с. 218]. Более того, даже все русское старожильческое население Сибири после XVII века в одном месте он называет «поморами» [2, с. 289]. В упомянутом учебном пособии теме освоения Сибири «поморами» отведена целая вторая часть [2, с. 198–389]. На 191-й странице текста, посвященного освоению Сибири, «большое» Поморье в связи с Сибирью упоминается 134 раза, а сами «поморы» с производным от существительного прилагательным «поморский» – 229 раз! Но если мы обратимся к сибирским летописям XVII века, то в их текстах мы не обнаружим ни одного упоминания «Поморья» или «поморов»²⁰. Что касается актов XVII века, то упоминание в них «поморских городов» достаточно редки, а упоминание «поморов» («поморских людей») вовсе отсутствуют²¹. Среди русских служилых людей и промышленников в документах названы москвитины, костромитины, устюжане, мезенцы, пинежане, чердынцы, пустозерцы, то есть русские – уроженцы конкретных уездов Московского государства, но никак не поморы. Поэтому ясно, что в мифе об освоении Сибири поморами происходит подмена понятий.

Исторический миф о «большом» Поморье и народе «поморы», его населявшем, имеет в качестве составляющей особую трактовку международных отношений в местном Арктическом регионе. Здесь нужно учитывать то обстоятельство, что поморская концепция изначально создавалась под нужды формируемого норвежцами с 1992 года трансграничного Баренц региона. «Поморы и норвежцы вместе осваивали арктические моря, вели рыбный и зверобойный промыслы, два последних столетия успешно торговали». «Поморы и норвежцы так или иначе участвовали во многих экспедициях, целью которых было изучение Арктики», – утверждает В. Н. Булатов в одном из своих трудов [3, с. 4, 44]. Таким образом, именно эти, в его трактовке, два народа – поморы (а не русские) и норвежцы, осваивали Арктику и строили свои отношения на основе позитивных связей. Здесь концепция профессора В. Н. Булатова созвучна идеям теоретиков Баренц региона норвежских ученых Улава Шрама Стокке и

¹⁹ В этой связи отметим неудачное в свое время название статьи: Покровский Н. Н. Государственный феодализм двинской деревни перед началом освоения Сибири поморами // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVI–XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 13–19. Разумеется, Н. Н. Покровский не считал поморов отличным от русских народов, но вместе с тем нельзя не заметить, что в деревнях на Северной Двине исторические поморы не проживали.

²⁰ Сибирские летописи. СПб, 1907; ПСРА. Т. 36. Сибирские летописи. М., 1987.

²¹ См. понятие «поморские города» в указных царских грамотах в Верхотурье (1621, 1623, 1632, 1634, 1639, 1641). АИ. Т. 2. № 106, 117, 172, 180, 207, 219. С. 150–151, 176, 317, 326, 363, 377; в указных царских грамотах в Кунгур. Кунгурские акты XVII в. (1668–1699). Изд. А. Г. Кузнецова. СПб, 1888. № 62, 75, 78. С. 175, 279, 291. В других документах по Сибири. См.: Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб, 1848. № 14. С. 65.

Рюне Кастберг, выделивших в своей периодизации в его истории так называемую «Поморскую эру» с конца XVII века до 1917 года [16]. История этого периода подается как преимущественно бесконфликтное в норвежско-российских отношениях время, хотя в реальности все было равным счетом наоборот [17]. В связи с подобным изображением событий такие факты русско-норвежских отношений, как беспошлинная бартерная торговля русских в датско-норвежском, шведско-норвежском Финнмарке, непомерно преувеличиваются. Здесь повторяется выдуманный норвежцами миф о существовании в приарктическом регионе совместного русско-норвежского языка, так называемого руссеннорска [3, с. 35].

В мифе *об отсутствии крепостного права в Поморье* – историческом центре «свободы» и «демократии» – «большое» Поморье в эпоху Средневековья представляется как регион с иными социально-экономическими отношениями, нежели остальная Московия. В частности, здесь повторяется довольно расхожий миф об отсутствии крепостного права на Русском Севере²². «Жители Поморья никогда не знали монголо-татарского ига и крепостного права, а в силу этого они выросли свободолюбивыми, предприимчивыми, богатыми и образованными людьми» [18]. «В XVII веке в 22 уездах Поморья основную массу населения составляли свободные от помещиков и крепостной зависимости „черносошные“ поморские крестьяне» [3, с. 34]. «На Русском Севере сложился своеобразный тип государственного феодализма, при котором самый многочисленный слой населения – крестьянство – не знал крепостной зависимости в классической ее форме» [2, с. 177]. На самом деле, крепостное право – это вовсе не «вотчинный режим» управления крестьянством, то есть помещики (поместная система возникла до крепостного права), а особый универсальный и всеобщий государственный режим стеснения передвижения податного населения для исправного сбора налогов в казну. О существовании крепостного права на Русском Севере в XVII веке свидетельствует множество документов, в частности, такой массовый источник, как писцовые и переписные книги.

Причиной особого социально-экономического уклада «Поморья» были «республиканские» и «демократические» традиции, унаследованные им от Новгорода Великого. Этот тезис с особой настойчивостью повторяется несколько раз [2, с. 58, 410, 417, 418]. Эти «демократические традиции» были подорваны целенаправленной политикой Московского централизованного государства. «Власть воевод была призвана удовлетворять общегосударственные интересы в ущерб демократическим порядкам, установленным на Русском Севере в прошлые столетия», – утверждал В. Н. Булатов [2, с. 418]. «Москали начали проводить политику кнута и пряника» [2, с. 117, 158]. В итоге, что касается свободы, демократии и республики, то в данном случае профессор В. Н. Булатов повторяет ставшим расхожим возникший в русской историографии в начале XIX века либеральный миф о древнем Новгороде Великом, сочиненный еще в масонских ложах начала XIX века будущими декабристами. Технология исторического мифотворчества заключалась здесь во внедрении в определенный исторический контекст современных новаций иной европейской цивилизации. При научном историческом исследовании в ближайшем рассмотрении выясняется, что древний Новгород Великий никогда не был ни республикой, ни, тем более, демократией. Апология древнего Новгорода как «пра-

²² Миф об отсутствии крепостного права на Русском Севере возник в кругу русских западников в преддверии «Великих реформ» 1860-х годов. Здесь необходимо обратить внимание на творчество историка С. М. Соловьёва.

вильного исторического выбора» в пользу Запада – обычный пропагандистский трюк в постсоветской России и странах Прибалтики, также как и утверждение о победившей новгородцев Московии с ее «азиатчиной», якобы приведшей Россию к деспотизму и краху.

Существенней во всей этой теме другое – проблема движения земельной собственности на Русском Севере. «В Поморье всегда господствовало черное крестьянское землевладение... Положение независимых поморских волостей постепенно стало изменяться после возвышения Москвы и создания централизованного Российского государства» [2, с. 4]. На самом деле все обстояло ровным счетом наоборот. Черное землевладение и связанная с ним крестьянская волость утвердились на Русском Севере только после насильственной ликвидации великим князем московским новгородских вечевых порядков в 1478 году. До этого в Новгородской и Двинской землях господствовало боярское землевладение – боярская вотчина [19]. Ее ликвидация и утверждение на ее руинах черного крестьянского землевладения стало фундаментальным переворотом в отношениях земельной собственности – своеобразной «консервативной» революцией сверху. Против нее подавляющее большинство населения Новгородской земли как раз не выступало. Более того, она ускорила процесс русской народной колонизации Севера.

В заключение хотелось бы отметить еще один факт. В первой половине XVI века на Двине в крестьянских семьях, происшедших от местных новгородских своеземцев, то есть у «поморов», широко практиковалось патриархальное рабство. Об этом определенно свидетельствуют отдельные сохранившиеся грамоты²³. Как в данном случае быть с духом Поморья – «свободой»? При этом патриархальное рабство на Двине было распространенным явлением именно в новгородский период. В московский же оно изжило себя.

Миф об особых социально-экономических условиях «Поморья» порождает возвышенную этническую глорификацию «поморов», типичную для любого псевдонационализма. В этом отношении «поморы» становятся похожи на запорожских казаков украинского сепаратистского исторического мифа. «Дух вольности и товарищества, просвещения и свободомыслия издавна витал в Поморье. Суровая северная природа и огромные территориальные пространства сформировали особые поморские черты национального характера, предопределили необычайный путь Русского Севера. Жизнь на берегах „студеного“ моря сделала поморов сильными, мужественными и трудолюбивыми», – утверждал В. Н. Булатов [2, с. 3]. «Меня всегда восхищали наши предки-поморы – мужественные и доброжелательные, пытливые и трудолюбивые... Д. С. Лихачёву приписывают: „Поморы так же родовиты, как столбовые дворяне“» [5, с. 7]. В мифологии поморского этногенеза идеи автохтонности, исключительности, культурной демиургичности поморов интерпретируются как исключительность представителей поморского этноса – «соли земли Поморской». В. Н. Булатов пишет о поморах как о людях, наделенных «предприимчивостью, «поморской упрямкой», «умом, смелостью и независимостью, умением принимать самостоятельные решения в сложных жизненных ситуациях». Заметим, однако, что подлинные исторические реалии могли далеко отстоять от этого романтического идеала. В частности, В. Н. Булатов утверждает в своем труде: «Жители Русского

²³ См., например, дельную грамоту братьев Амосовых 1527 года. Сборник грамот коллегии экономии. Т. 1. Грамоты Двинского уезда. Пг., 1922. № 60. Стб. 51–55.

Севера составляли одну из самых образованных частей населения России, а в первой половине XVI века среди землевладельцев Европейского Севера было более 80 % грамотных людей» [20]. Каким образом можно определить количество грамотных среди населения северных русских уездов в первой половине XVI века с точностью до процента, остается для нас полной загадкой. Это совершенно фантастический домысел хотя бы потому, что численность народонаселения региона в это время определяется чисто ретроспективно, а потому приблизительно. Когда же мы говорим о действительном уровне грамотности населения на Русском Севере в эпоху Средневековья, необходимо обратить внимание на любопытный факт, подчеркнутый фольклористами и этнографами в конце XX века. Былины древних циклов они записывали от сказителей – людей, как правило, неграмотных или малограмотных [21, с. 10]. Оказывается, фактором сохранения былинного устного народного творчества на Севере была широко распространенная в местном обществе неграмотность населения. У грамотного, образованного человека появлялись совсем другие культурные запросы и былинами он переставал интересоваться, а тем более заучивать их наизусть и устно воспроизводить. Итак, во-первых, богатство традиционной культуры Русского Севера совсем необязательно связывать с уровнем «просвещения». И, во-вторых, совершенно безосновательным является связь местных религиозных традиций именно с псевдоэтнической культурой «поморов». Признаками этнической общности поморов является... этническое религиозное мировоззрение (Поморская древлеправославная церковь)²⁴. Известный факт – распространение раскола после середины XVII века среди жителей так называемых «поморских волостей» Соловецкого монастыря. Здесь располагался один из главных центров раскола в России – Выговская пустынь. Раскольничьи скиты были и на Летнем берегу Белого моря, и на Зимнем. Но как можно при этом общины раскольников именовать церковью? Ведь само понятие «беспоповцы» именно и предполагало отсутствие какой-либо церковной иерархии у этого раскольничьего толка.

Подведем итоги. Ключевой принцип поморского проекта – это отрицание за членами формируемой поморской общности русских духовных и этнических корней, противопоставление русскому: истории, церкви, литературному языку, культуре. В этом отношении «поморская идея» за образец избрала практическую модель строительства украинства. О том, что «нерусскость» является сутью проекта, свидетельствует сконструированное его адептами в конце XX века для этноса название «поморы». В историческом прошлом этот термин никогда не употреблялся в этническом смысле, а только в территориальном или профессиональном как обозначение жителей определенной географической местности и людей морских промысловых занятий. Тем самым уже на уровне терминологии проводится видимая грань, которая отделяет «поморов» от остального Русского мира.

Поморский проект имеет в основе свою историческую и языковую концепцию, культовые фигуры и этнические мифы. В их числе: «изначальное этническое различие поморов и русских», «вековое притеснение поморского языка и культуры, насильственная ассимиляция поморов», «колониальное угнетение Россией Поморья». Из этих мифов и складывается поморская этническая идентичность. Принимая эту мнимую финно-угорскую идентичность, назы-

²⁴ Отметим, что так называемая Древлеправославная церковь была создана частью общин раскольников в 1920-х гг. Но что такое «Поморская древлеправославная церковь» в XVII–XIX веков?

вая себя «помором», человек, тем самым, соглашается и со всеми принципами «поморской идеи».

В поморской идее уже изначально заложена ориентация на Запад. Отрицание за собой русскости и православия как более высокой ценности, нежели связи с Норвегией, уже само по себе является отказом от Русского мира. К тому же постоянно подчеркивается близость «поморов» и «Поморья» к Норвегии, ее культуре, политике и ментальности.

Изначально вписанный в стратегию норвежского Баренцева региона поморский проект ориентировался на «Запад» не только как на абстрактную идею, но и как на вполне конкретного конкурента России в Арктическом регионе – Норвегию и стоящие за ней США. Сам по себе поморский проект во многом стал плодом отнюдь не бескорыстного воздействия этих стран. Противники России взращивают «поморов» идейно и организационно, подпитывают материально, полагая, что претворение в жизнь идеи особого поморского этноса по максимуму приведет или к этническому расколу на Русском Севере под территориальное расчленение РФ, или, по минимуму, ослабит позиции России в контроле над ее арктическими ресурсами. Опасность «поморского проекта» заключается в том, что он является крайним выражением интересов части деморализованной региональной элиты, смыкающейся с местной организованной преступностью. В этих условиях отсутствие в РФ нации и слабость гражданского общества, хронический социально-экономический кризис в перспективе реально ставят под угрозу целостность русского этноса на Русском Севере.

Литература

1. Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск, 1997; Кн. 2. Встречь солнца (XV–XVII вв.). Там же, 1998; Кн. 3. Поморье (XVI – нач. XVIII вв.). Там же, 1999; Кн. 5. Ворота в Арктику. Там же, 2001; Русский Север. Кн. 4. Свет полярной звезды (XVIII–XIX вв.). Там же, 2002.
2. Булатов В. Н. Русский Север: Учебное пособие для вузов. М., 2006.
3. Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область: международное сотрудничество. История и современность. Архангельск, 2001.
4. Макаров Н. А. К Дышащему морю. Северные окраины славянского мира // Родина. 2001. № 1–2. С. 37–41.
5. Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск, 1997.
6. Поморская энциклопедия. Т. 1. История Архангельского Севера. Гл. ред. В. Н. Булатов, сост. А. А. Куратов. Архангельск, 2001. С. 317.
7. Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 3. С. 6; Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 111; Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область. С. 25.
8. Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974. С. 182, 189; Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978. С. 43–44.
9. Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997. С. 163.

10. Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962. С. 71.
11. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 28–29.
12. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб, 1901. С. 1–91. В связи с концепцией С. Ф. Платонова необходимо обратить внимание на близкое по времени использование термина «поморские уезды» в одной работе М. А. Дьяконова. См. Дьяконов М. Половники поморских уездов в XVI–XVII вв. СПб, 1895. Сам М. А. Дьяконов никак не объясняет его применение.
13. Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. С. 9–28.
14. Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства перв. пол. XVI в. Л., 1957; Его же. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.
15. Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Ч. 1. СПб, 1793. С. 233; Его же. История Российская. Т. 1. М., 2005. С. 348. См. статью «Бярмия», в которой В. Н. Татищев утверждает о тождестве Биармии, Заволочья и Поморья.
16. Stokke O. S., Castberg R. The Barents Region: Dimensions and Institutions // International Challenges. Fridtjof Nansen Institute. Oslo. Vol. 12. 1992. No 4. P. 21.
17. Кристиансен Т. «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...» Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 г. // Русский сборник. 2010. Т. 8. С. 26–52; Боднарук Р. В., Давыдов Р. А. Алкоголь как инструмент экономической экспансии (в контексте российско-норвежских отношений XIX – нач. XX вв.) // Материалы II международной научно-практической конференции «Алкоголизм и наркомания в Евро-Арктическом Баренц-регионе». 28 ноября – 1 декабря 1996 года. Архангельск, 1996. С. 13–17; и др.
18. Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. Вологда, 1976. С. 10–11.
19. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI века. С. 279–289; Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Материалы научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 15–17 июня 1967 г. Вологда, 1968. С. 519–536; и др.
20. Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область. С. 34–35; Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. С. 419.
21. Марков А. Беломорские былины. М., 1901. С. 10.

Рецензенты: Голдин Владислав Иванович,
доктор исторических наук, профессор;
Фёдоров Павел Викторович,
доктор исторических наук, профессор.